

«Большая семья».
Еще совсем юный.

— Я бы с радостью был богатым. Так хочется! Только смотря какой ценой.

— А в каком возрасте вы поняли, что вы актер?

— Это — до возраста. Мне просто деваться было некуда: моя семья — это Ольга Андровская, это Николай Баталов и Владимир Баталов. Это Виктор Станицын. В общем, был момент, когда все девять моих прямых родственников были актерами одного Московского академического художественного театра. Мы с мамой и папой жили во дворе театра, и я сроду не знал, что такое песочница. Гулял между декорациями, а дома — кругом бороды сплошные и реквизит. А после репетиций вся актерская братия заходила к нам чайку попить. Для меня видеть загримированную, раскрашенную рожу было привычнее, чем обычное человеческое лицо. И куда я мог бы еще пойти? В пятнадцать лет я впервые вышел на сцену и вот уже пятьдесят лет с ней не расстаюсь.

— Вы домашний человек?

— Актеры, они такие... Ну как это сказать — не то что не домашние, но дом — это все равно продолжение репетиций. Я живу в театре, и дом входит в эту игру. Когда Андровская и Баталов приходили с репетиции, то продолжали репетировать дома, ночью. А потом шли обратно. Баба мне рассказывала, как она ему, бывало: «Коля, Коля, уже поздно, ложись спать.» А он: «Как тебе не стыдно! Ты не любишь искусство!»

— Допустим, у вас выпадает свободный день. Как вы его проведете?

— Во-первых, свободные дни выпадают у меня очень редко. Скорей всего ничего не буду делать. Может быть, в театр пойду. А когда настроение плохое или нервничаю, начинаю что-нибудь руками делать. Я ведь и механиком был, машину могу собрать и разобрать. Рисовал. Строгал.

— У вас хватает времени на чтение книг?

— Стараюсь читать ночью.

— Какую музыку вы любите?

— Тут у меня образования не вышло. Просто

— Вас не мучает честность? Ваше имя не мелькает в газетах, вы не появляетесь на экране. Мнение публики вас не волнует?

— Очень волнует. Я был очень благодарен, когда — а я же вообще ничего не делал — мне сказали, что я попал в каком-то опросе в число живых, действующих актеров. Это было большое счастье для меня и одно из самых симпатичных событий в актерской жизни. Как они помнят, я не знаю. Я-то готов сказать, что уже все, а они — помнят. Хотя много и таких, кто говорит, что мы, мол, вас не знаем.

— За что вам была вручена премия «Созвездие»?

— Не знаю. Просто за хорошее отношение, за вклад, за содеянное. Я был очень этому рад, потому что признание своих — это совсем другое, нежели признание публики. Это тоже то, без чего актер не может существовать. И когда я увидел, что люди, сидевшие в зале — актеры; режиссеры, там не было случайных людей, — так ко мне относятся, это была огромная радость.

— Ваш персонаж в кино — всегда такой классический пример положительного героя. Человек, в которого влюбляются женщины всех возрастов. Насколько это соответствует вашему образу в жизни? Женщины часто влюбляются?

— Ну, нет. Во-первых, герои мои очень разные. Одно дело мальчик-шофер из «Дела Румянцевых», другое дело — в «Живом труп» такой паразит при жене.

— А злодеев вам когда-нибудь доводилось играть?

— В том смысле, как у Виктора Гюго, — нет. Но мои герои не такие уж хорошие люди. Просто вы, как и всякая женщина, невнимательны. Вам бы хотелось, чтобы ваш муж тайком ходил на свиданья.

— Встреча с Анной Ахматовой — что она значила для вас?

— Это была не просто встреча — когда мне было семь лет, она пришла и жила у нас. До самой могилы. Когда она приезжала из Ленинграда, все время жила у нас, в моей комнате. Я могу про нее вспомнить как про бабушку.

— Последний раз вы видели вас в новом амплуа, когда вы вели сводку погоды после выпуска «Новостей». Как вы там очутились?

— Я ее не вел, а открывал. А дело все в том было, что те дурацкие сводки, которые давали до того, ничего общего не имели с погодой. И они должны были благодаря неким богатым людям превратиться в профессиональные сводки. И для того, чтобы все это началось, меня и пригласили. Это было рождение принципиально новой метеослужбы.

— В отличие от большинства ваших коллег вы не появляетесь в каких-либо рекламных роликах...

— Ну пока я в состоянии другим деньги зарабатывать — я зарабатываю. А если будут дохнуть с голоду мои близкие, я возьму телефон и сам буду всех обзванивать.

— Насколько мне известно, в нескольких своих фильмах вы сами выполняли все каскадерские трюки? Случались при этом какие-нибудь рискованные ситуации?

— Я везде все делал сам. Но сейчас на экране такие трюки, что мои ничего не стоят по сравнению с ними. Но дело не в этом. Дело в том, что опасность ничто — страшен непрофессионализм. За то время, что я снимался, много людей погибло на съемках. Надо было, к примеру, сниматься в седле, и мальчик один сдуру сказал, что он умеет

Журавли улетели?

АЛЕКСЕЙ БАТАЛОВ: «ЛЮБИМЫЕ АНЕКДОТЫ ЕСТЬ ТОЛЬКО У ИДИОТОВ»

Я и раньше догадывалась. Но при встрече убедилась окончательно: главное — это голос. Низкий, бархатный, словно осязаемый. Человек с таким голосом обречен быть в центре внимания.

Народный артист СССР Алексей Баталов сыграл в кино всего девять ролей (не считая нескольких, совсем крохотных). Верится с трудом. Нынче любой начинающий актер может похвастаться гораздо более длинным списком.

«Три толстяка», «Летят журавли», «Москва слезам не верит», «Бег». Одного из этих фильмов было бы достаточно, чтобы прославиться.

Сейчас он и вовсе не балует публику появлениями на экране. Страшно занят: преподает во ВГИКе, работает в актерской гильдии,

в Фонде помощи нуждающимся актерам и еще в тысяче разных мест.

За последние пятнадцать лет — ни одной новой роли. Ни одного нового фильма. И вот что удивительно — его помнят. В 1994 году он получил премию «Созвездие» за большой вклад в киноискусство.

Он подчеркнута несовременен. Он не допускает любопытных взоров дальше порога собственного дома. Он вне сенсаций, скандалов и житейских сплетен. В головокружительном потоке эпатирующих перерождений и сезонных кумиров он остается незадействованным.

— Алексей Владимирович, есть ли какие-нибудь сильные впечатления детства, которые волнуют вас до сих пор?

— Война. Победа. Это ощущение самого большого праздника, какой только может быть в жизни.

— А после что-то сопоставимое с этим чувством было?

— Никогда.

— О чем вы могли бы сказать: мне так не хватает...?

— Свободы. Только. Свободы от обязательных глупых дел, которые сейчас заедают. Больше ничего.

— Почему вас так давно не видно?

— Дел много. С ребятами ставлю дипломные работы, делаю спектакли за границей, выступаю. Деньги зарабатываю.

— Деньги под будущие творческие проекты?

— Какие там проекты, просто на жизнь.

— А почему не снимаетесь и не снимаете? Нет хороших предложений?

— Представьте, мы с вами сегодня разговариваем, а завтра Меньшов мне даст сценарий «Москва слезам не верит». Если я могу заранее его рассказать — то он ничего не стоит. Но как только от этого веет свежим и живым — другое дело. Вот Гоша — все вроде с ним понятно: надо, чтоб у героини все кончилось хорошо. Но как только я прочитал, понял, что это не тот канонический установленный государством рабочий, который уже сотни раз был на экране, — это другой совсем человек. Выйдет не выйдет — это второй вопрос, но это интересно делать. А если мне неинтересно, то я думаю, что и вас не заинтересует.

— Пятнадцать лет «простоя» — достаточный срок, чтобы сказать, что ваша актерская карьера завершена?

— А кто ее знает? Уже несколько раз говорили, что завершена, а потом вот «Москва слезам не верит» — маленькая ролька подвернулась (кокетливо улыбается). — Е. П. — опять началось вроде бы. Завтра надо будет играть — буду играть.

— А пока вы решили заняться финансовыми делами? Я имею в виду вашу деятельность в Фонде помощи нуждающимся актерам.

— Нет, Боже упаси. Я просто стараюсь, чтобы люди поняли, что это нужно, чтобы дали денег. Я как зазывала на ярмарке. Бизнесменских качеств во мне, к сожалению, не проявилось. Я актер.

— Почему к сожалению?

война свалилась. А я ведь уже садился учиться и учился, но началась война. Играл на фортепьяно. Конечно, музыка мне нравится, она мне и для работы нужна, но чтобы ее любить, ее надо знать.

— Помимо той суеты, которая вас окружает, и помимо работы, которой вы так заняты, что еще вас заботит, что поддерживает, о чем вы думаете?

— Так много. Сейчас как раз гораздо интереснее, чем когда бы то ни было. Огромное количество новых книг, сведений, событий. Создается другая жизнь. Мы становимся постепенно гражданами мира. И не потому, что случилась перестройка. Так происходит и в Америке, и во Франции. Франция теряет свои французские черты, Англия — английские, и если раньше люди жили — кто в городе, кто в селе, кто на континенте — то вы и ваши дети реально будете жить просто на земле.

— То, что происходит сейчас в стране, у вас вызывает больше положительных эмоций или отрицательных?

— Мне очень нравится, что рухнула эта бредовая коммунистическая система. Туча прошла.

— Ваши коллеги любят говорить сейчас о всеобщем обнищании, о грязи, о гибели русской культуры. Леонид Филатов, например, рисует совершенно апокалиптическое будущее. Что вы думаете по этому поводу?

— Да, есть, к сожалению, люди, которые бедствуют, просто от голода погибают, и их большинство. И это ужасно. Но я знаю, что война гораздо тяжелее, чем тот базар, который сейчас. Это все игрушки по сравнению с войной. А что касается гибели культуры — это чепуха. Человек все равно живет очень коротко, и всегда ему кажется, что с него все началось и при нем непременно кончится. А на самом деле ничто серьезное не укладывалось в одну человеческую жизнь. Вот, например, Столетняя война: если мы возьмем судьбу одного в том времени, так для него вся жизнь — война. И потом — реально это не так. Сейчас невероятный бум, расцвет русского искусства во всем мире. От того, что Бродский живет в Америке, он не перестает быть великим русским поэтом.

— У вас есть дети, внуки?

— Две дочери и внучка Катя.

— Вас не беспокоит их будущее? Скажем, не хотели бы вы, чтоб они уехали из России?

— Мне кажется, что здесь интереснее. Здесь больше людей — интересных, талантливых. Больше живого чего-то, чем в устоявшейся Швейцарии или Дании.

ния и сожительствовал с девочкой в гостинице? А вы бы детей его учили? А это — «Дама с собачкой». Но вы-то себя представляете дамой с собачкой. В этом все и дело. А Гоша из фильма «Москва слезам не верит» жену бросил. Но никто об этом не помнит.

— Да, никто об этом не помнит. Может быть, я и невнимательна, но только согласно одному из опросов, в котором женщины выбирали знаменитостей на роль собственного мужа, друга, любовника, начальника и т. д., Алексей Баталов — один из самых популярных кандидатов именно в мужья. Его наделяют такими качествами, как надежность, порядочность, верность, интеллигентность.

— Обаяние, что поделаешь! Продолжаем...

— Есть какая-то роль, которую вы считали бы своим звездным часом?

— Нет. Звездным часом — нет. Для меня очень важна была «Дама с собачкой», как поворот к настоящей актерской работе. Просто, потому что я мхатовец. Вырос там, и, конечно, надо было сыграть что-то из Чехова.

— У вас никогда не было стремления поставить что-нибудь определенное? Неосуществленная мечта? Заветная роль?

— Заветная роль — это та, которую актер играет. Когда он начинает ее делать, выясняется, что вот это и есть его роль. И он ее играет всю жизнь. Такой у меня нет. Но любимые роли — это порой даже не те, которые любит зритель, а та, которую люблю играть я. А не читать или болтать о ней. Это все равно, что спросить: какие вам женщины нравятся? Можно долго рассказывать, какие нравятся, а потом сказать — познакомьтесь, это моя жена. А там стоит какая-нибудь гримза. Ничего общего с описанием не имеющая. Так практически всегда и получается.

— И тем не менее: какие вам женщины нравятся?

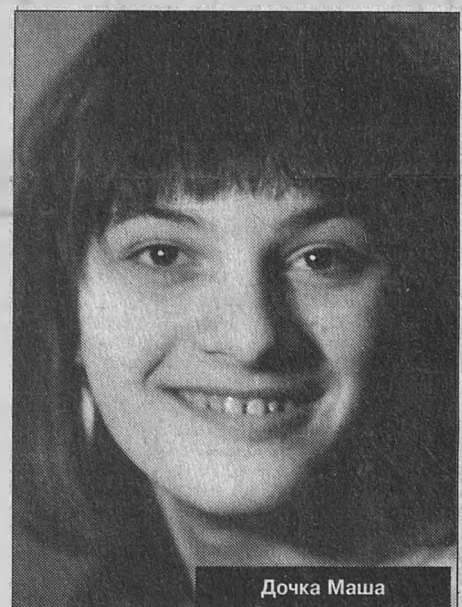
— Все-таки это зависит и от таланта, и от того, какая она, как она к миру относится, ко мне. А не по породе.

— А какую роль женщины играют в вашей жизни?

— Очень хорошую роль. Они всегда мне помогали. Они, собственно, несли всю тяжесть моих работ, сомнений, ежедневных дел.

— Скажите, на репетициях, дома вы мягкий человек или деспот?

— Ну на репетициях я, наверно, жесткий человек. А дома — вокруг меня люди, которые все терпят.

Дочка Маша

ездить на лошади. Ему хочется сняться, а лошади-то настоящие, они команды слушают. Он сидел, уши развесив, дали команду, лошади понесли, и он на наших глазах упал на дорожку и остался мертвым лежать. Потому что упал на камень. Вот тебе и все трюки.

— А вот в «Трех толстяках» по проволоке ходили?

— Ходил. Я год и два месяца этому учился ради съемок. Это был ужас. Во-первых, отнимало очень много времени и сил. Тем более взрослому человеку учиться. Маленькому-то еще ничего. А чем взрослее, тем тяжелее. Ужас. Врагу не пожелаю.

Ну и напоследок:

— Вы любите анекдоты?

— Конечно.

— А у вас есть любимый анекдот?

— Любимый анекдот есть только у идиотов. Что ж, спасибо и на этом.